

Ева Яблонеvская

Снежная королева

.....
Никогда не знаешь, кто
растопит твоe сердце
.....

Ева Яблоневская
Снежная королева

«Автор»

2020

Яблоневская Е.

Снежная королева / Е. Яблоневская — «Автор», 2020

Невероятная атмосферная новогодняя сказка о любви заставит вас верить в чудеса и окружит настроением праздника. Когда ты молод, красив, успешен — весь мир у твоих ног. Стоит ли обращать внимание на тех, кто слабее и не так совершенен? Тем более, если обладаешь сверхвозможностями. Но на самом деле никогда не знаешь, кто растопит твоё сердце, даже если ты самая настоящая Снежная королева или высокомерный и бессердечный Большой Босс. Когда в дело вмешивается любовь, все может обернуться совершенно неожиданно.

© Яблоневская Е., 2020

© Автор, 2020

Ева Яблоневская

Снежная королева

– Сестрица, дорогая, как я рада тебя видеть! – в огромную холодную комнату впрорхнула Весна, и в воздухе сразу же запахло сладостью.

– Здравствуй, здравствуй, родная моя! – Зима обняла младшую сестру, повисшую у неё на шее. – Ты как раз к полднику. Будешь горячий глинтвейн?

– Твоего изготовления? С удовольствием! Ничего вкуснее в жизни своей не пробовала!

– Ты мне определенно льстишь.

– Нет, что ты! Я, если хочешь знать, тобой просто восхищаюсь! Ты такая!.. Такая!..

– Суровая и безжалостная. Старая, ворчливая и злая.

– Не-е-ет! Справедливая, мудрая и по-королевски сдержанная! Этой выдержке можно только позавидовать. Как бы я хотела быть похожей на тебя, хотя бы чуть-чуть... – с детским восхищением прошептала Весна.

Зима поставила чашу с ароматным напитком на можжевелевую подставку и потрепала сестренку по пшеничным кудрям:

– Ты меня любишь, потому что младшая сестра, и судишь предвзято. – Она подошла к окну и взглянула в опускающиеся сумерки. – А вот люди не считают меня мудрой, справедливой и уж тем более сдержанной. Только суровой, ледяной и даже лютой! Им и невдомек, что без этой суровости никак нельзя. Никакого порядка в мире не будет. Как без мороза и холода природе отдохнуть? Где тогда сил набраться? Как люди сумеют почувствовать пробуждение чувств, если сама природа им этого не покажет всеми чудесами своими? А знаешь, как мне иногда хочется побыть ветреной и легкомысленной?

– Ты серьезно?

– Конечно. В юности ведь есть своя неповторимая прелесть, дорогая моя. Просто мне положено быть взвешенной, рассудительной и суровой. Никогда не жалею о том, какая ты. В природе не бывает ошибок. Каждый таков, каким он должен быть.

– Вот именно! Не тебе ли лучше всех известен порядок вещей в природе и того, что если что-то происходит в мире, то это зачем-то нужно? Тогда откуда такая тоска во взгляде? Что с тобой, сестрица?

– Да так, взгрустнулось немного. Предстоит мне один неприятный разговор. Вот и хандрю. Не знаю, как лютя свою показать да дров при этом не наломать.

– Что случилось?

Зима прошла к столу и налила себе глинтвейн, который уже с огромным удовольствием потягивала сестра.

– Снежана. Нет уже на нее никакой управы! Пора переходить к более категоричным мерам.

– Ты слишком строга к девочке. Она просто молода и слегка взбалмошна.

– Нет, сестра. Взбалмошностью это уже никак назвать нельзя. Нам дана сила, а с ней и определенные обязанности и строжайшие правила, которые никак нельзя нарушать. Она же не просто загордилась своим превосходством над людьми, но и натурально над ними потешается. Притом на этот раз дошло до того, что серьезно пострадал человек.

– Да ты что?! – даже вечно неунывающая Весна нахмурилась, и над ее веснушчатым носиком пролегла складка. – А что сама Снежана говорит?

– А ей хоть бы что! Веселится. Приказала ей явиться сегодня ко мне. Вот жду с минуты нам минутой, – Зима устроилась за столиком напротив Весны.

– Я не помешаю вам, если тоже буду присутствовать?

– Нет, дорогая, но сразу хочу предупредить: можешь даже не пытаться стать в ее защиту. Не в этот раз.

– Хорошо. Не буду.

– Пока твоей племянницы нет, расскажи, как тебе отдыхается, дорогая? Какие новости, да и вообще?

– Ах, сестрица! Я просто побывала в сказке!

– Для нас есть еще на Земле подобное место?

– Ты сомневаешься?

– Если быть до конца честной: немного да.

– Тебе определенно нужно развеяться!

И Весна зажурчала звонким голоском, наспех рассказывая свои самые яркие впечатления от путешествия. Зима смотрела на милостивое личико сестры и думала, что не даром Весну все люди любят и ждут. Даже у нее, суровой и злой, отлегло от сердца. Но Снежану необходимо остановить сейчас, хотя для себя Зима уже решила, что все-таки оставит девочке шанс на исправление ошибок.

***

– Значит, мать прознала про случившееся. И двух суток не прошло.

Снежана нервно забарабанила пальцами по столу, а нежный розовый румянец на ее идеальной коже вспыхнул еще ярче.

– Я тебя предупреждал еще в прошлый раз. Плохо это кончится. Чувствую, она не спустит тебе эту выходку.

– Снежок, не преувеличивай. Новый год скоро, потом Рождество. Мать перед этими праздниками тает, как снег на сковородке.

– На этот раз все очень серьезно. И лучше тебе не опаздывать.

– Паникер!

Снежана встала и, направляясь в свою комнату, мимоходом погладила брата по белокурой шевелюре.

– Давай скорее! Пожалуйста! Иначе и мне достанется, – попросил он.

– Не бойся. Ты у нас любимчик.

Снежана прикрыла за собой дверь. Ей просто необходимо было хоть несколько минут побыть наедине с собой и собраться с мыслями. Несмотря на почти полную уверенность, что ничего такого мать не предпримет против нее, тем более сейчас, в декабре, когда у семьи дел по горло, она все же подумала, что, возможно, на этот раз переборщила.

Влюбленный в нее Геннадий Ерофеев, а по совместительству начальник одной из лабораторий огромного косметического концерна, где работала Снежана, попался, как обычно это случалось с мужчинами, когда Снежане этого хотелось. И захотелось ей, как обычно, показать свое превосходство и утереть нос девчонкам, особенно Новиковой, которая, мягко говоря, неровно дышала к Ерофееву, а по факту провела перед его фотографией много бессонных ночей. Снежану здорово потешало, как коряво и неумело Рита пыталась показать свое благосклонное отношение к боссу. Право, такое поведение недостойно женщины. Все выглядело жалко и даже постыдно. Офисный планктон уже так перемыл кости Новиковой, что на ней живого места не осталось. Ну, Снежана и решила показать, как нужно обращаться с мужчинами.

– Новикова, чем пирожками его каждый день кормить, поучилась бы лучше уму-разуму. У гейш, например. Они мужчину одним взглядом остановить могут. Слабо так? – подсмеялась она над ней тогда.

– Тебе уж точно не слабо, Зимица, – обреченно ответила Рита, с грустью глядя вслед своему предмету воздыхания. – Он вообще смотрит сквозь меня. Будто я и не человек вовсе, не то что женщина.

– Смотри и учись, Новикова!

Снежана продефилировала следом за Ерофеевым на лестницу и сделала так, будто он виноват в том, что она споткнулась. Естественно, джентльмен не только подхватил ее, но и отвесил кучу извинений, как и кучу комплиментов, и «на закуску», помассировав изящную лодыжку, поднял на руки под краснеющие невинные возражения пострадавшей. Как обычно. Все произошло как обычно, стоило Снежанке взглянуть в его глаза своим особо пристальным взглядом, после которого мужчины были готовы целовать песок, по которому она ходила, а если точнее, то в случае со Снежаной – снег и лед.

Геннадий подвез Снежану домой и даже после чашки чаю тет-а-тет заручился согласием погулять завтра, поскольку была пятница. Они долго бродили по живописным заснеженным улочкам городка и горячо спорили о возможностях криотерапии и влиянии ее на кожу. Геннадий имел ученую степень в этой области, и ему было невдомек, что в силу своего происхождения Снежана была полноправным знатоком темы, по уровню гораздо выше профессорского. Спорить с ней было довольно глупо. Только он об этом не знал, и ее смелые открытия не всегда допускались даже к опытам. Положенной ученой степени по человеческим меркам у Снежаны не было, мать настойчиво заставляла делать все, как полагается, а не с помощью магии, которой щедро была наделена молоденькая фея. Конечно же, стоило остановиться и уступить старшему по званию, но не для лидерской неумной Снежанкиной натуры. Сказать прямо, что босс осел, она не могла. Как и не могла признаться человеку в том, кто она на самом деле.

Когда Снежану не на шутку взбесило его упрямство и порядком надоело восхищенно-боготворящее поведение, она, не долго думая, помогла ему поскользнуться на льду. Падение оказалось неудачным: Ерофеев сломал ногу и лечил свой сложный перелом со смещением в местной травматологии, надеясь попасть домой хотя бы к Новому году. К огромному удовольствию Риты, которая, естественно, теперь регулярно навещала его со своими пирогами и сырниками. Угощение Ерофеев уплетал за обе щеки, но вздыхал по-прежнему по Снежане, понимая, что барышня – не его поля ягода. Снежана, однако, не чувствовала за собой вины, откровенно считая людей слабыми существами, не способными бороться со своими страстями, и потому была очень рада, когда подворачивался случай поставить их в неловкое положение, подчеркивая всю полноту человеческого несовершенства.

Ладно бы один Ерофеев... Последняя собственная выходка, если быть честной самой с собой и до конца, вызвала у нее некоторое волнение. Вдруг мать не ограничится лишь жестким предупреждением, как с начальником лаборатории?

После госпитализации Геннадия исполняющей обязанности начальника назначили ее, Снежану Зимицу. Несмотря на юный возраст по человеческим меркам, руководство сочло достаточными ее успехи для этой временной должности. И, поскольку остальные сотрудники в силу того же самого возраста не отличались амбициями, коими в избытке обладала Снежана, то лучшего варианта не нашли. К тому же Ерофеев одобрил замену. На это Снежана не рассчитывала и не особо обрадовалась, что придется уйму времени посвящать бумажной волоките, а не научным исследованиям.

Грустить ей пришлось недолго. В новые обязанности входило регулярное посещение совещаний у директора концерна и общение со всем вышестоящим руководством. Если бы не замечание матери, про несчастного и влюбленного Ерофеева Снежана забыла бы с концами. Новой «жертвой» рисковал стать директор концерна – сам Артур Залевский.

Раньше Снежана не раз слышала восторженные отзывы дам о внешности, предпочтениях и женщинах большого босса. Обсуждалось буквально все: от цвета рубашки до сорта кофе, который он любил. Восхищению дамской половины не было предела, батальон поклон-

ниц молодого успешного и слишком красивого мужчины колебался в возрастном диапазоне от шестнадцати и до шестидесяти лет. Нужно сказать, что Снежана слышала обо всем этом, но никак не интересовалась объектом воздыхания всех ста процентов женщин их немалого коллектива. Этому удивлялись, и сильно, а после понимающе кивали головой, замечая, что она просто еще не успела с ним познакомиться – хотя бы заочно.

Наконец, Артур Арнольдович визуализировался пред ее ясны очи пару-тройку раз в неделю за одним столом. Она была слишком занята мыслями о своих новых обязанностях и их количестве, часто выкручиваясь с помощью магии, – тут не до того, чтобы обратить внимание на еще одного мужчину в поле зрения. Однако сотрудницы встречали ее с совещания горячим кофе, ее любимыми булочками и чуть ли не с красной дорожкой, подробно расспрашивая не столько о повестке дня, сколько об Артуре Залевском. В очередной раз Снежана задумалась об этом прямо на совещании, равнодушно ловя холодный взгляд зеленых глаз из-под удивительно длинных ресниц.

«А он действительно хорош собой, – мелькнуло в голове. – И вроде бы не глуп». Такая оценка уже была победой над ней, заведомо уверенной в собственном значимом превосходстве над человеческой расой. По нему сохнет несметное количество женщин, от мала до велика, а она может получить его одним легким желанием, поэтому даже такой экземпляр, как Артур, не вызывал у нее интереса. Интерес возник совершенно неожиданно, когда в прелестную Снежанкину головку постучалась мысль о том, чтобы получить его без магических штучек. Вот тогда вызовы к руководству приобрели для нее иной смысл. Жажда победы в соревновании захлестнула девушку целиком и полностью.

Артур был жестким, категоричным, уверенным в себе и тоже осознающим свое превосходство над подчиненными и женщинами, потому поединок был весьма увлекательным. Настолько увлекательным, что потерявшая бдительность Снежана заразилась идеей покорить большого босса не меньше коллег и сама того не заметила. К ее счастью, видеться пришлось часто, даже слишком. Пока Снежана обдумывала, чем разумно можно привлечь его внимание (потому что пока он смотрел сквозь нее, даже учитывая то, что она сидела второй по его правую руку), на очередном совещании внимание привлеклось само собой.

– У меня возникает вопрос, что делает здесь это ангелоподобное существо с внешностью куклы Барби, если оно все время молчит. Регулярно ходит на совещания и молчит. Так вот, объяснение нашим клиентам о пользе маски должно быть таким, чтобы даже такие миловидные существа это поняли.

Замечание было сделано не просто в резкой форме, а с явной насмешкой над Снежаной и намеком на ее недалекие умственные способности. В воздухе царил девиз «женщина – не человек» и уж тем более не специалист. За столом Снежана была единственной дамой, но не слишком придавала этому значение, поскольку сначала глубоко вникала в обсуждаемые вопросы, а потом в личность Артура Арнольдовича, наслаждаясь бархатным завораживающим тоном его голоса. Его обращение так отрезвило барышню, что она едва сдержалась, чтобы не встать и не рассказать ему, что по чем, прямо перед подчиненными. Когда дело касалось Снежанкиных профессиональных качеств, даже зародившаяся симпатия к мужчине не могла ее остановить. Потому что, кроме своей семьи, в жизни Снежана любила только свою работу и больше ничего и никого.

Вспыльчивая по натуре, она знала, что не может просто так срываться на людях, потому настойчиво твердила про себя:

«Сосчитай до десяти! Сосчитай до десяти!»

Пока она пыталась сдержаться, заговорил руководитель ее отдела, назначивший Снежану вместо Ерофеева. Он смягчающе усмехнулся:

– Артур Арнольдович, простите, столько дел навалилось и эти новогодние темпы. Совсем забыл вам представить: Снежана Зимина – исполняет обязанности начальника лаборатории...

– Ерофеева, что ли? – резко оборвал его Залевский.

– Да, пока Геннадий на больничном...

– Я уже догадался без представлений. У вас не нашлось более серьезной кандидатуры на это место? Сомневаюсь, что этот мечтательный образ у меня за столом способен сделать большее, чем только попробовать наш крем и выложить его фото в инстаграм, как очередное крутое приобретение.

Снежана уже набрала воздуха в легкие, чтобы открыть рот, но младший босс мягко сжал ее локоть. Понимая, что своим выступлением она может живо и его под увольнение подвести, девушка снова сдержалась. Внутри бурлил коктейль из жидкого азота. В ее интерпретации происходящего заледеневший Залевский уже рассыпался по кабинету искрящимися на солнце мелкими осколками.

– Это тот случай, Артур Арнольдович, когда внешность очень обманчива. Даже, я бы сказал, слишком обманчива, – сводя все к шутке, ответил ее руководитель. – Госпоже Зиминной мы обязаны уже несколькими серьезными разработками, и это только за год, что она на нас трудится.

– Надо же! Расскажите как-нибудь при случае. А сейчас всем спасибо, все свободны!

Такое пренебрежительное отношение было последней каплей. Засуетившиеся сотрудники поторопились удалиться, и в суматохе Снежане удалось незаметно задержаться в кабинете большого босса.

– Я, кажется, всех отпустил. Еще пока склерозом не страдаю, – заявил привычным тоном с налетом небрежности Залевский, завидев Снежану.

Однако то, что он услышал в ответ, было настолько неожиданно, что от нее не укрылось, как он нервно сглотнул и стал вертеть в руках свой iPhone.

– Я не существо, – четко поставленным голосом заявила блондинка, – и не мечтательный образ. – Она говорила с ним не заискивающе, не давясь от обиды. Она говорила с ним на равных или даже с долей превосходства. – Вы претендуете называться мужчиной...

– ... а вы изволите в этом сомневаться? – бесцеремонно перебил он ее, но голос у девушки не дрогнул.

– Зачем сомневаться, если вы это неприкрыто демонстрируете. Вы оскорбили меня прилюдно. Вы прилюдно унизили женщину! Похоже, вся эта орда поклонниц среди ваших сотрудников, которая питает ваше эго, даже не представляет об этом.

Залевский едва сдерживался, чтобы не залить краской. Его – и словно котенка мордочкой...

– Вы уверены, что я вас не уволю после таких речей?

– Уволите? Меня? Не смешите. Даже если об этом нашем разговоре никто больше не узнает, моим увольнением вы признаете свою слабость передо мной, а это не в ваших правилах. Да вы спать спокойно не сможете. Вы такой весь из себя – и с девчонкой не справились. Только уволили, используя свое служебное положение.

Она на минуту замолчала, а Артур все пытался справиться с собой.

– Я тебе за год несколько миллионов в карман положила и до сих пор числюсь стажером? На прошлой неделе у тебя под крыльцом центрального входа пенсионерка умерла от воспаления легких. Пенсии не хватило в больницу лечь, а она на тебя и твоего папашу всю жизнь батрачила. Ты хоть знаешь об этом? Танцуй, павлин, можешь собой гордиться! – Снежана резко повернулась и вышла из кабинета, но Артур неожиданно ее окликнул:

– Стой... те! – девушка остановилась, но не повернулась.

Залевский подошел совсем близко сзади и тихо добавил:

– Я ничего об этом не знаю. И ко мне за помощью никто не обращался, – тон его изменился и стал серьезным и деловым.

– Потому что все заявки рассматривают замы, и письма простых смертных до этого кабинета вообще не доходят.

– Я обещаю... Я разберусь...

Снежана резко развернулась и едва не уткнулась носом ему в плечо. Она почувствовала запах смеси дорогого одеколона и дорогого... мужчины. «Если бы не обстоятельства, – мелькнула в ее голове непрощенная мысль, – то, пожалуй, этот запах я готова вдыхать всю жизнь».

– Я понимаю, что это уже не поможет несчастной, но поможет предотвратить подобное в будущем, – дыхание Артура коснулось ее щеки.

– Маску нельзя выпускать в свободную продажу. Серьезные пилинги и криотерапия – это прерогатива косметических кабинетов, и вам это известно не хуже моего. Не скачите впереди паровоза. Потребитель не сможет разумно использовать препарат, и вас обвинят во всех смертных грехах и будут правы, – девушка круто перевернула тему.

– А против «Метаморфозы» вы тоже что-то имеете?

– Она сырая. Дорабатывать и дорабатывать.

– Значит, к Новому году мы не порадуем клиентов ни одной новинкой.

– Мое дело кашу варить, ваше – продавать. Я свое дело делаю отлично и говорю вам, что каша не готова, – с этими словами Снежана покинула кабинет.

Едва за ней закрылась дверь, Артур сел на свое место. Сегодня работа не пойдет на лад. Девчонка задала ему еще ту встряску. День безнадежно испорчен. Он потер виски и решил сосредоточиться хотя бы на планировании так неожиданно возникших проблем.

Снежана, вернувшись на рабочее место, получила по почте служебку, регламентирующую ей лично заняться кремом «Метаморфоза», обещающем золотые горы его обладательнице.

С этого дня отношения с руководством наладились. Дружескими не стали, но баланс восстановился не только в атмосфере, но и в душе Снежаны. Немного отвлекшись на работу от персоны большого босса, она и не заметила, как они стали видеться чаще: за ланчем или чашкой утреннего кофе, обсуждая насущные дела. Едва она поняла это, желание заполучить Артура нахлынуло с новой силой, перекрывая все негативные моменты, и справиться с ним девушка не смогла, заключая, что и делать это не стоит. И заполучить она хотела Артура целиком и полностью, но без применения магии. Однако, несмотря на некоторое сближение, ее «жертва» держала приличную дистанцию. Открыто заигрывать Зимина с ним не могла, дабы не слыть блондинкой, потому она старалась завоевать симпатию большого босса своими деловыми заслугами, более чем приятной внешностью, воспитанием и хорошим вкусом. И сближение выражалось лишь в том, что ББ уже не смотрел на нее как на пустое место, а был вынужден считаться с ее профессиональными качествами.

На этой волне Снежана удостоилась чести везти на выставку «Метаморфозу» вместе с Залевским. После мероприятия их ждал прием, на котором Артур слегка подвыпил. Теперь дистанцию временно держала Снежана. Добивать противника, пока он не в форме, было неинтересно, и, вместо того чтобы отправиться в гостиницу, она предложила покататься на коньках. Погода стояла волшебная. Легкий мороз и снежинки, танцующие вальс в свете фонарей, создавали настоящую сказку. Им удалось хорошо проветриться. Как оказалось, Залевский был в хорошей форме и тоже находил катание по льду весьма увлекательным. На катке, расположенном непосредственно у городского пруда, продавали глинтвейн. Артур пил его несколько раз, и даже свежий воздух не помешал сознанию затуманиться от большого количества выпитого, но надо сказать, что на ногах он все равно держался великолепно. Снежана воспользовалась ситуацией и потешила свое любопытство:

– Создается впечатление, что вы ненавидите женщин.

Залевский вдруг засмеялся и довольно зло сказал:

– Ну что вы! Я их... то есть вас не ненавижу. Презираю.

– Простите... – Снежана от неожиданности не знала, как реагировать на такое.

– Сразу удовлетворю ваше любопытство. Потому что женщины сегодня полностью утратили не только свою прелесть, но и моральный облик. Их не нужно завоевывать. К ним не нужно лазить в окна. Сами залезут! Они, как хищницы, подстерегают мужчин, словно свою жертву. Вопрос только в том, как подороже себя продать. Часто даже неважно кому. Заарканить и затянуть в постель, а лучше сразу под венец. В самом выгодном случае остается только выбирать из предлагающих себя.

– Но вы же... Вы когда-нибудь женитесь, создадите семью, как возможно жить с таким отношением... и как же тогда любовь?

– Любовь? Такие, как я, по любви не женятся. Точнее думают, что по любви, а на самом деле их используют. Я не желаю, чтобы меня использовали. – В голосе Артура звучала явная резкость и неприязнь. – Женитьба? Я предоставил этот вопрос моей мамочке. Она с такой тщательностью подбирает мне невесту, что я еще несколько лет буду свободным.

– Но вы же мужчина, и вы нуждаетесь в женщинах...

И хотя Снежана совсем не то имела в виду, ответ не заставил себя ждать:

– Для нужды есть соответствующие места, думаю вам это известно. – Снежана почувствовала, что краснеет. – Притом и без того желающих предостаточно, искать не приходится. Зачем далеко ходить. Вот взять, к примеру, вас. Считаете, ваши цели не заметны?

– Меня? – девушка опешила.

Да, у нее были планы покорить Артура, но это не имело отношения ко всему тому, в чем он обвинял женщин. К тому же она ни в коем случае не позволяла себе ничего лишнего.

– Вы же такая деловая леди. Имейте смелость признать, что у вас есть на меня виды, и вы определенно добиваетесь своего.

– Ну, знаете ли... – Снежана задержала дыхание и высвободила свою руку из руки партнера, ускорила и отъехала дальше, чтобы справиться с собой и ненароком не заморозить большого босса своей злостью.

– Еще скажи, что ты обиделась на правду! – Залевский перешел на «ты» и догнал ее. Он снял перчатки и коснулся ладонью щеки девушки. – Тебе ведь наплевать на нашу работу, концерн и «Метаморфозу», ты тоже планомерно идешь к цели добиться меня. Как и все остальные.

Внутри Снежаны уже поднимался вулкан. Она пила мало, да и алкоголь все равно на нее не действовал, не то что на людей. В висках стучало: «Павлин! Самовлюбленный павлин, презирающий всех и вся! Наглый нарцисс!». Титаническим усилием она удержалась от того, чтобы влепить ему пощечину, и снова улыбнулась.

– Вы почти меня не знаете. При первом знакомстве вы прилюдно меня унизили, и я спустила вам это с рук. Сейчас вы делаете то же самое и даже хуже. Не слишком ли высокого мнения вы о своей персоне?

Артур чуть наклонился, но не смог поцеловать ускользнувшую в прямом смысле из рук Снежану. Та сделала круг и одними глазами, будто дразня, позвала за собой. Ничего не подозревающая «жертва» не заметила, как они оказались на самой середине пруда. Снежана топнула ногой, и под Залевским треснул лед, расплываясь коварной паутиной в разные стороны. Артур в ужасе остановился и, казалось, протрезвел на глазах. Снежана только засмеялась. Ее звонкий смех раскатился по водоему, и лед окончательно провалился. Залевский оказался в воде, но еще каким-то чудом удерживался за края.

– Снежана... – прохрипел он.

– Похоже, вам дорого себя продать у меня уже не получится. Я бы подала вам руку, но продажная я, знаете ли. Вдруг я тоже провалюсь? Нет здесь моей выгоды.

– Снежана... – слабо повторил Артур.

– Единственное, о чем я жалею, что приходится позволять жить таким моральным уродам, как вы, Артур Арнольдович! – она снова рассмеялась.

Этот приятный звонкий колокольчик стал постепенно стихать, пока не превратил окружающую действительность в давящую глухую тишину. Сознание местами возвращалось, и тогда он слышал фразы суетившихся вокруг людей:

– Жив... Лед толстый, не мог провалиться... Что-то случилось... Реанимация... Обойдется... и снова ее смех.

Естественно, она не позволила ему умереть. Естественно, она остановила ледокол и позвала на помощь, зная, что ему ничего не угрожает. И стерла из его памяти все, что было необходимо, оставив только то, что заставит задуматься.

После несчастного случая на катке Артур Залевский попал в больницу с воспалением легких. Снежана выглядела героиней, спасшей ему жизнь, рискуя своей. Естественно, она ничем не рисковала, поскольку спокойно могла ходить по водной глади, как по зеркалу. Она, как обычно, предусмотрела все. Кроме одного. Что-то в нем сломалось. После этого жестокого, но поучительного (с точки зрения Снежаны) случая врач констатировал у пострадавшего большой стресс и как следствие – депрессию. Залевский не хотел никого видеть и ни с кем говорить. Он лежал все время молча, не желая рассказывать о том, что произошло. В ушах все время стоял треск раскалывающегося под ногами льда и смех Снежаны, будто злой ведьмы, решившей единолично наказать его за все грехи. Но, возможно, это и есть стресс, о котором говорит доктор. Возможно, ему привиделся злой блеск в ее глазах. В самом деле! Она ведь спасла ему жизнь. И этот факт неоспорим.

***

Снежана тарасилась на свое отражение в зеркале, автоматически заплетая косу, и просчитывала возможные варианты. Ну, пусть она слегка переборщила. Нет. Вряд ли мать примет во внимание, что он ее оскорбил, притом дважды. Все-таки закон есть закон, и нарушать его нельзя. А Снежана нарушила, и сильно, хотя все равно ни о чем не жалела.

В дверь просунулась белокурая голова брата:

– Ты как? Готова?

– Готова.

Она протянула ему руку, и за считанные секунды они оказались в зимней резиденции ее семьи.

– Явилась?

Мать резко встала со своего места, и за подолом ее платья завертелась метель.

– Сестрица! – тихонько попыталась вмешаться Весна.

– Не вмешивайся! – осадил ее Зима, и в воздухе затрещало от морозца, воцарившегося в комнате. – Не тот случай, – добавила она чуть мягче.

– Да, мама. Ты хотела видеть меня? – Снежана не уступала матери в жесткости.

– Хотела – не то слово.

Снежок лихо обернулся вокруг своей оси и испарился, предпочитая подслушивать за дверью и не попадаться матери на глаза.

– Думаю, не стоит уточнять, что мне все известно.

– Не стоит, мама, это и так понятно. Остается уточнить, что именно...

– ...смеешь мне дерзить? – Зима подошла близко и заглянула дочери в лицо, Снежана почувствовала ледяной воздух на щеках. – С каких пор ты решила, что можешь нарушать закон? Здесь пока еще я хозяйка!

Зима стукнула об пол своим посохом, не пойми откуда взявшимся в руке. В ушах зазвенело, будто от стука по хрустальным бокалам. Снежана молчала, говорить было нечего, да и не нужно распалить гнев матери.

– Сила нам дана для того, чтобы помогать людям, а не направлять ее против них. Да, они слабы, на то мы и нужны им.

Снежана решила не возражать. Зима ходила по комнате туда-сюда и продолжала:

– Не могу себе представить, откуда у тебя появилась такая жестокость... Так больше не может продолжаться. Ты понесешь наказание, и это не обсуждается. Коль ты ведешь себя так, будто у тебя нет сердца, то оно тебе совершенно не нужно. Я его заморожу.

– Но мама! – Снежана при этих словах почти взвизгнула от неожиданности.

– Не смей мне возражать!

– Я ведь потеряю силу...

– Правильно. Прочувствуешь на себе, каково быть человеком. Попробуешь вызывать симпатию людей к себе естественным способом.

– ...и это же больно... – совсем обреченно пробормотала девушка.

– Людям тоже было больно от твоих поступков. Только у тебя будет шанс все исправить. Чем больше будешь делать добра, тем слабее будут становиться ледяные оковы. И тем больше будет становиться твоя сила. Искупишь вину – все вернется. Если кто искренне полюбит тебя без волшебства, оковы рухнут.

– Но как меня можно будет полюбить, если с ледяным сердцем я буду лишена эмоций.

– Хм... – Зима только усмехнулась. – А никто и не говорит, что будет легко.

У Снежаны выступили слезы:

– Праздники же... Кто будет детям подарки раздавать... – почти всхлипывая, сказала она.

– Подарки в этом году начнет раздавать Снегурочка.

– Она же еще маленькая!

– С этой обязанностью вполне справится. Тем более что она не одна, а с дедом.

Зима остановилась, глядя в окно:

– Это все, что я хотела сказать.

Снежана молчала. Она только заметила, что в комнату вошел дед. Девушка вздохнула и пошла к выходу. Там она остановилась и печально взглянула на дедушку.

– Боюсь, даже я тут не в состоянии что-то поделать, – тихо заметил Мороз. – Не в этот раз, прости, дорогая.

Снежанка молча покивала головой и вышла. За дверью ждал Снежок.

– Мне очень жаль... – сказал он.

– Она думает, я сломаюсь. Нет уж! Не дождетесь! – процедила сквозь зубы Снежанка.

– Я уверен, ты справишься!

Она потрепала брата по волосам привычным движением и растворилась в воздухе. Едва она появилась в собственной квартирке, сердце невыносимо сжалось тисками и застыло, будто в него вогнали кол. Снежана непроизвольно схватилась за грудь от боли. Она попробовала осторожно вздохнуть. Получилось. Девушка посмотрела на свое отражение в зеркале и сказала вслух:

– Я все равно справлюсь! Справлюсь!

***

Для начала искупления Снежана решила навестить свою жертву в больнице. Нет, не Ерофеева. Стараниями своей секретарши, Риты Новиковой, Гена шел на поправку семимильными шагами. Здесь скорее стоит подружиться с Ритой и таким образом извиниться и перед ней. Навестить Снежана должна была Залевского, который, по словам ведущих сплетниц их концерна, поправляться никак не хотел. Она задвинула куда подальше свою гордость и неприязнь к этому типу и отправилась в госпиталь. В конце концов, это она виновата в его серьезной болезни.

Сначала она старалась приходить, когда больной спал, не решаясь поговорить с ним прямо. Беседовала с врачом, готовила теплый бульон – и снова к нему. Переступив порог палаты в очередной раз, Снежана чуть не упала от удивления: больной стоял у окна, держа руки в карманах своего костюма, и, кажется, собирался уходить. Мужчина повернулся. На миг Снежане показалось, что перед ней не Артур, но на нее смотрело лицо Залевского, опровергая свое вчерашнее не лучшее состояние.

– Посмотрите-ка! – нашлась сразу расторопная Снежанка. – Его там подчиненные жалеют, приветы передают, переживают, а он как огурчик! Вот простите, Артур Арнольдович, но я сомневаюсь, что доктор позволил вам встать, не то чтобы совсем уйти.

Залевский расплылся в несвойственной ему дружелюбной улыбке.

– Это вы простите меня, – он виновато на секунду опустил глаза. – Артура забрали на рентген. Сейчас вернется.

Мужчина подошел, протянул Снежанке руку и представился:

– Филипп Залевский, брат Артура.

– Очень приятно. Снежана Зимина, коллега Артура, – постаралась скрыть слишком сильное удивление она. – Я не знала, что у Артура есть брат-близнец.

– Он не очень любит мной хвастаться. Если точнее, то совсем не любит. А вы та самая Снежана, которая спасла моего брата!

– Мою роль в этой несчастью значительно преувеличили, – возразила девушка, водружая пакет с продуктами на тумбочку у кровати.

Она старалась не таращиться на собеседника, но в душе просто буйствовал смерч. Мужчины были похожи как две капли воды, и, даже несмотря на мизерные силы, которые у нее остались, фея чувствовала, что Филипп – лучшая версия Артура во всех отношениях. В самом деле, не настолько же Артур ей близок, чтобы сразу рассказать про свои семейные связи?

– И почему же брат вас скрывает? По виду вы мало напоминаете Квазимодо, чтобы вас стыдиться.

Филипп снова ласково улыбнулся:

– Знаете, как бывает, соперничество между братьями и все такое.

– Да уж, Артур любит быть непревзойденным.

– А вы неплохо его знаете.

– Есть немного.

На этих словах дверь открылась, и медсестра завезла в коляске Артура Залевского. При виде посетительницы он нахмурился еще сильнее.

– Артур, посмотри! Вот тайная поклонница, которая уже несколько дней кормит тебя бульоном! – постарался разрядить обстановку Филипп.

– Я должен был догадаться. Привет, Снежана!

– Рада, что вам уже лучше, Артур Арнольдович!

– Ты принесла какие-нибудь новости из компании? Конечно же, кроме пожеланий скорейшего выздоровления и переживаний моих подчиненных.

– Да, конечно, – не выходила за рамки официоза Снежана.

– Пожалуй, я пойду, Артур. Снежана, был рад познакомиться. Надеюсь, мы еще увидимся, – засуетился Филипп.

– Полностью взаимно, – девушка подала руку, которую Филипп на этот раз поцеловал.

– Я еще зайду.

– Давай, братец! – сказал Артур и мрачно заметил, когда уже брат вышел: – Похоже, я здесь застрял...

– Воспаление легких – не шутки, но сейчас его лечат за три недели, – отозвалась Снежана, мимоходом отмечая, что даже в больничном кресле Артур Залевский выглядел по-королевски.

Залевский встал, точь-в-точь, как брат, положил руки в карманы спортивного костюма и подошел к окну.

– Свежий бульон будете? – снова подала голос Снежанка.

– Не откажусь, – без тени эмоций ответил он.

Снежана достала еду, и большой босс устроился на постели. Пока он ел, она вкратце рассказала о делах и, выслушивая его комментарии и наставления, сразу фиксировала все в загодя подготовленном ему для отчета списке. Они быстро закончили.

– Все будет выполнено, не извольте беспокоиться. Поправляйтесь! – почти попрощалась Снежана и убрала планшет в сумочку.

– Хорошо, что вы пришли с отчетом. Я ценю.

– Спасибо, это моя работа.

– Так ли... – тихо констатировал Артур.

– Что, простите? – сделала вид, что не слышит Снежана.

– Почему вы не спрашиваете, отчего я никогда не упоминал о брате? Тем более что мы на одно лицо, – как на зло задержал ее Залевский.

– Мы не так много общались и не настолько близко, чтобы я могла вам задавать подобные вопросы.

Он резко сел на кровати и ухватил Снежану, стоящую возле тумбочки, за локоть, отчего она даже вздрогнула:

– Скажите честно, почему вы навещаете меня и вдобавок кормите домашней едой?

– Чувствую свою вину за случившееся. Ведь именно я позвала вас на тот злосчастный каток.

Артур вспомнил свой недавний бред про показавшийся ему смех злой ведьмы, но тут же подумал, что девушка покрутит у виска, расскажи он ей свои домыслы или... видения. Мысль вернула его к их разговору перед несчастным случаем.

– Я не разуверился в том, что не безразличен вам, – корректно заметил он и притянул Снежану к себе так близко, что она ощутила его дыхание у себя на лице, а руку практически на ягодицах.

– То, что вы себе позволяете, Артур Арнольдович, выходит за всякие рамки приличия. Имею в виду и слова, и действия.

– Хм... а вам этого не хочется, значит?

Снежана думала о том, что без определенных усилий ей не вырваться из крепких объятий босса. Она набрала воздуха в легкие и сказала, как можно спокойнее:

– Почему вы не рассказывали о своем брате?

– Переступаете свои принципы?

– Ваша рука на моей заднице всецело позволяет мне это сделать.

– Что о нем рассказывать? Филипп – обычный неудачник, которых тысячи. – Залевский смотрел ей прямо в глаза, но она и не думала отворачиваться.

– И чем нынче занимаются неудачники?

– Детский врач. С мизерной ставкой, ненормированным рабочим днем и кучей проблем. С детства был мямлей, плаксой, тащил домой бездомных кошечек и собачек. Да, получил красный диплом.

– Он более мягкий и человечный, чем вы, и потому неудачник? Вы ему завидуете!

Залевский рассмеялся на всю палату.

– Я больше не хочу говорить о нем. Много чести.

– А то, чего вы хотите, – безусловно, закон.

– Давайте выясним, наконец, чего хотите вы? – Артур слегка наклонился и коснулся губ Снежаны своими.

Первой ее мыслью было что есть силы оттолкнуть нахала, но она лишь напряглась. По телу легкой вуалью побежала приятная волна, и Снежана прислушалась к своим новым человеческим ощущениям. Пожалуй, она хотела бы продлить это чувство, если бы не сущность злого, самоуверенного и ненавидящего людей мерзавца. Однако рубить с плеча она не стала, так как слишком проигрывала в весовой категории. Потому позволила Артуру увлечься и расслабиться.

– Артур... Арнольдович... – шепотом сказала она, и он остановился. Застав босса врасплох девушка твердо, но не резко высвободилась и посмотрела ему в глаза. – Никогда больше так не делайте! Это последнее предупреждение в мирном ключе.

– Хотелось бы мне посмотреть на вас в воинственном. Но в мирном я бы точно целовал вас до изнеможения.

– Не доставлю вам такого удовольствия.

Девушка взяла сумку и вышла из палаты.

Довольный собой, Залевский закинул руки за голову и плюхнулся поперек кровати:

– Сомневаюсь, что ваши бастионы долго продержатся, сеньорита!

***

С утра Снежана первым делом купила пару стаканов ароматного кофе, лучшего в районе, где находился офис, а также свежих душистых профитролей с заварным кремом. Рита, как всегда, уже была на месте, и на ее «Доброе утро!» Снежана деловито ответила:

– Доброе! Зайди, пожалуйста. Прямо сейчас.

Новикова без особого энтузиазма потащилась за начальницей.

– Присядь!

Рита молча повиновалась.

Снежана поставила перед ней кофе, вывалила на серебряный поднос профитроли из пакета, а сама присела на край стола лицом к собеседнице. Это Риту озадачило, но она терпеливо ждала, что будет дальше.

– Нам нужно объясниться, – начала Снежана. – Точнее я бы хотела извиниться...

– Извиниться? Вы?

– Слушай, прекрати! С каких это пор мы на «вы»?

– Я же твоя секретарша.

– И что? Гена выйдет, и ты снова будешь его секретаршей. В общем, Рита, прости меня за ту нелепую сцену с Ерофеевым на лестнице. Я не думала, что ты так серьезно к нему относишься, и мне просто было обидно, чисто из женской солидарности, что ты так по нему... вздыхаешь, что ли... Короче, это он должен быть счастлив, если ты согласишься в его сторону, поверь. А ты этого достойна!

– Спасибо, конечно, но даже не знаю, что и думать...

– Ничего не думай. Я была неправа. Извини. А еще я бы не прочь с тобой подружиться. Если, конечно, ты не против.

– Я? Против? Дружить с тобой? Ты и я? – удивилась Новикова. – Это по меньшей мере странно. Такие, как ты, не водятся с такими, как я. Королевы и серые мыши... Как-то не лепится.

– Не знаю, с королевами – возможно. А где ты, говоришь, у меня корону видела? – спросила Снежана, едва сдерживая смех.

Рита тоже не смогла сдержаться и рассмеялась вместе со Снежаной от всей души.

– Давай, кофе в честь примирения. Я взяла профитроли, подумала, что, может, ты их тоже любишь. Я так вообще без них жить не могу. Это моя слабость!

– Seriously? И я тоже!

– Правда?

– Ага, – закрывала Рита, запихивая в рот пирожное целиком.

Снежана последовала за ней.

– Как же вкусно!

– Это точно!

Они с удовольствием пили кофе, осторожно обмениваясь репликами и постепенно ослабляясь.

– Если честно, – сказала Рита, – у меня такое чувство, что нужно ждать подвоха... Прости...

– Не нужно. Его не будет. Но доказать это я смогу лишь со временем. Так в одну секунду доверие не восстановишь.

– Ну да.

– Потому предлагаю жить, дружить, трудиться на нашем общем поприще и можно вместе ходить домой. Я заметила, что ты всегда одна. И я скучаю по дороге, а поболтать люблю в хорошей компании.

– Договорились. А как же...

– Что?

– Ну там... твои поклонники... в последнее время молва в них и самого Залевского записала.

– Вот именно, что молва. – Снежана встала, обошла стол и села в кресло на свое место. – Это потому, что мы вместе на выставку ездили? И потому, что мне приходится к нему в больницу почти каждый день таскаться? Мы на катке тогда вместе были, когда несчастный случай произошел. И это я предложила покататься. Чувствую себя виноватой, и теперь вот приходится... – девушка говорила спокойно, четко, без намека на хитрость. – Только удовольствия мне это совсем не доставляет. Залевский лишь внешне красавец-мужчина, но на этом все его достоинства заканчиваются, поверь. С ним неприятно находиться рядом, он жесток, резок, высокомерен и вообще никогда не думает, что может кого-то обидеть.

– То есть просто так сложились обстоятельства.

– Именно. Потом ему понравилось, что я с «Метаморфозой» сделала, и теперь он меня желает видеть на всех заседаниях там, – Снежана указала пальцем в направлении потолка. – Тоже мало удовольствия.

– Представляю... Хотя вы с ним очень красивая пара. Я бы даже не удивилась, будь у вас роман.

– Не все золото, что блестит. Но... – Снежана наклонилась над столом к Рите с заговорщическим видом, – я тебе сейчас такое расскажу! Уверена, не все это знают у нас.

Глаза у Риты загорелись.

– Вчера захожу в палату, а там наш Артур Арнольдович, аки огурчик при костюме стоит у окна. А днем раньше лежал бледный весь, зеленый и слабый. Я прямо опешила. Поздоровалась. И тут, представляешь, этот «Артур Арнольдович» протягивает мне руку и говорит: «Позвольте представиться: Филипп Залевский, брат Артура». Я чуть со своих шпилек не свалилась прямо перед ним от неожиданности!

– Погоди... Они что, близнецы?!

– Да, и похожи как две капли воды! Только Филипп доброжелательный и улыбчивый, не то что этот наш... Большой Босс.

– Ничего себе новость!

– Вот-вот. И я о том же.

– А почему Залевский никогда о нем не говорил?

– Не знаю, как на самом деле, но Филипп сказал, что Артур не любит им хвастаться из-за братского соперничества. А Артур сказал, что о Филиппе нечего говорить, он неудачник.

– Скажите, пожалуйста!

– И я так возразила. Да, он не большой босс, а детский врач. Но человека красит не количество денег, а его душа.

– Согласна. Так а он тоже красавчик?

– Я ж тебе говорю! Как две капли! Вот с таким мужчиной роман закрутить я бы точно не отказалась.

– Ты себя в зеркало видела? У тебя же все шансы! Вам бы встретиться еще хоть раз.

– Ну, паломничество в больницу еще не закончилось, так что вполне есть вероятность, что увидимся. – Снежанка заулыбалась, не пытаясь скрыть румянец. – Однако пора нам и поработать.

– Ой, засиделись! – спохватилась Рита.

– Ничего. Мы все время пашем, не поднимая головы. Можно иногда и расслабиться немного. Давай, расскажи мне, что там у нас намечено на сегодня, а я чашки пока сполосну.

– Сейчас все расскажу...

Они погрузились в работу. С этого дня отношения с Ритой не просто потеплели, а плавно стали перерастать в дружеские. Самой Снежане на душе стало легко, и в сердце тоже наметилось облегчение. Она потихоньку шла к своей цели – к искуплению своих деяний и возврату силы волшебства. Навещать Залевского приходилось часто, она стала практически его руками на совещаниях, при том, что, немного оправившись, он неизменно присутствовал по скайпу. Гена уже выздоравливал дома. Снежана, как могла, способствовала их воссоединению с Ритой. Это тоже внесло свою лепту к ее колу в груди.

Дни тянулись своим чередом, оставалось три недели до Нового года. Это время было самым любимым у Снежаны. Они с Ритой ходили домой только пешком. Тем более что идти было недалеко. По узким улочкам с налетом старинности, выложенным брусчаткой, с витринами кафе и магазинов, горящими гирляндами, черепичными крышами и ароматом глинтвейна. Здесь даже летом можно было получать удовольствие, бродя прямо между столиками кафе, вдыхая аромат кофе и шоколада. А сейчас эта старая часть города выглядела просто картинкой из сказки.

В один из вечеров Рита убежала к своему благоверному, а Снежана все равно решила прогуляться, хотя водитель Залевского, Сергей, теперь почему-то всегда настойчиво предлагал отвезти ее. Мягкий снежок плавно водил хороводы в воздухе, устлая пушистым ковром все вокруг. Легкий морозец разругал Снежанке щеки и позволил снять капюшон белой норковой шубки. Она с детства была привычна к холоду, а благодаря своим способностям вообще не чувствовала его, к тому же мать в этом году не лютовала. Видно, всю злость на нее, дочь непутевую, растратила. Снежана шла не спеша, по-детски любопытно разглядывая витрины магазинов и отдыхая за таким занятием от тяжелого, хотя и полностью удовлетворительного рабочего дня. Вдруг она услышала:

– А я-то думаю, где можно встретить Снегурочку? Оказывается, просто так, идя по нашим улицам.

Снежана повернулась в направлении знакомого голоса: из окна машины выглядывал Филипп Залевский. У него была такая же иномарка, как у брата, но не черного, а белого цвета.

«Прям черное и белое, зло и добро», – мелькнула мысль, и Снежана улыбнулась и ей, и Филиппу.

– Как вы здесь оказались?

– Случайно. Здесь же самая вкусная выпечка и чудные магазины сувениров! Гляжу, а тут Снегурочка гуляет.

«Знал бы ты, как близок к истине», – взгрустнула девушка.

– Вы, похоже, не очень рады меня видеть? Простите, что нарушил вашу уединенную прогулку.

– Нет-нет, что вы! Напротив, очень рада! Вы не так меня поняли! – поспешила заверить его Снежана. – Я просто задумалась немного и не ожидала вас встретить.

– Тогда, может, позвольте вас проводить?

– Конечно, почему нет? Только вам придется оставить машину. Здесь неудобно гулять на колесах.

– Само собой, – прозвучал ответ.

Окно автоматически закрылось, белый джип вырулил на место для стоянки и заглох. Через минуту счастливая копия Большого Босса уже предлагала руку Снежане.

***

Погода для прогулки была идеальной, и чтобы перекусить, никак не хотелось заходить в помещение, поэтому они, раздобыв у ярмарочных ларьков горячие круассаны и чай с черникой, продолжили гулять вдоль зазывающих витрин.

Непринужденный разговор доставлял массу удовольствия, и Снежана отметила, что еще ни разу не отдыхала так великолепно, да еще и в компании человека. От Филиппа веяло позитивом, как от Снежанкиного дядюшки Мая свежестью. Даже с ледяным сердцем она это четко ощущала. Оказалось, Филипп очень любит детей и много занимается благотворительностью. В отличие от брата, который всегда предпочитал отправить чек и сообщить об этом прессе, Филипп Залевский делился своими знаниями и трудом. Он дружил с настоятелем монастыря, находившегося в их области, и часто помогал ему с сиротами. Не имея семьи и даже возлюбленной, он все свободное время проводил в обители или в детских домах. Снежанка тоже бы предпочла либо такую благотворительность, как и Филипп, либо вообще никакую. Проникшись к тому, с какой любовью Фил говорил о брошенных детях, она в душе постыдилась себя. Ее прямое предназначение было помогать людям, и детям тем более, а она всю сознательную жизнь лишь кичилась своим превосходством над ними, выполняя обязанности только по необходимости и приказу матери или деда.

Филипп и Артур жили с матерью в их огромном особняке за городом, хотя каждый имел свою квартиру в городе согласно своему статусу. Отец развелся с мамой, когда им было по пятнадцать, и мальчики вынесли из этого хороший урок. Небольшую лавку с кремами на основе солей из местных озер и окружающей флоры Артур умудрился превратить в огромный концерт, который теперь стал главной достопримечательностью их городка, самого экологически чистого в стране. В свою очередь, Снежана немного рассказала о себе, исходя из того, что вообще ей можно было рассказать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.